18+

НИКОЛАЙ ТАРАМОВ

Кровь степная

Николай Тарамов

Кровь степная

«Издательские решения»

Тарамов Н.

Кровь степная / Н. Тарамов — «Издательские решения»,

Дорогой мой юный читатель из казацкого рода и не только. Ты держишь в руках книгу, которая является первой попыткой написания истории казачьего народа в том виде, который был бы интересен тебе, подростку.Данная книга проведет тебя дорогами прошлого с двумя казачатами, которые будут совершать путешествия во времени к древним племенам и этносам.Этногенез народа — процесс невероятно сложный и очень интересный. Не исключение и этногенез казаков. Откуда пошли казаки? Споры сегодня не утихают.

© Тарамов Н.
© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА 6
Глава I. Знакомство с героями 7
Казачата 7
Старый казак Никифор. За два года до… 9
Знакомство Никифора со Спиридоном и всей его семьёй 10
Глава II. Таинственный браслет 13
Глава III 15
Поход I 15
К Киммерийцам 16
Глава IV 21
Поход II 21
К Хранителю 22
Глава V 26
Год спустя. Курган 26
Глава VI 28
Поход III 28
Золото степей. Скифы 29
Глава VII 37
Поход IV 37
Дом на колёсах. К сарматам 38
Глава VIII 46
Поход V 46
Между морем и степью. Меоты 47
Поход VI 55
Возвращение к меотам. Тревога 56
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Кровь степная

Николай Тарамов

кровь от крови
род от рода
продолжение народа

Иллюстрации Нейросеть "Нейрохолст"

© Николай Тарамов, 2026

ISBN 978-5-0071-5343-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА

Дорогой мой юный читатель из казацкого рода и не только. Ты держишь в руках книгу, которая является первой попыткой написания истории казачьего народа в том виде, который был бы интересен тебе, подростку от 8 и до 18 лет, а, может, и старше.

Данная книга проведет тебя дорогами прошлого с двумя казачатами, которые будут совершать путешествия во времени к древним племенам и этносам, что суть являются предками многих сегодняшних народов, в том числе и казаков.

Ты увидишь, как, раз от раза, возвращаясь из очередного путешествия, будет формироваться и расти национальное мышление казачат и как они будут взрослеть. На протяжении всей книги главные герои будут искать представителей народа начала, суть являющегося корнем казаков. И, лишь дочитав книгу, ты поймёшь, кто является частью этого народа.

По задумке автора, то есть меня, — это только первый том из серии «Национальная казачья история для детей».

Тем же, кто не является по происхождению казаком, тоже будет интересна эта книга, и, надеюсь, после прочтения её он поймёт, кто такие на самом деле казаки. Приятного чтения, мой юный друг.

Вперёд к приключениям!

Глава I. Знакомство с героями

Казачата

— Спиридон, ну как ты не поймешь, ну не мог я по- другому сделать. Батя нам всегда говорит: «Помните, сыны, вы казаки, вы потомки древнего народа, и что бы кто ни говорил, вы ведёте свой род не от беглых холопов, а от казаков, которые испокон веку жили на этой земле, на нашей земле».

— Лука, да я всё понимаю, но дать в ухо однокласснику и заявить потом учителю, что казака никто не ставит в угол — это перебор.

По станичной дороге шли двое казачат, один меньше другого. Тот, что был младше по возрасту, шёл и что-то яростно доказывал, размахивая руками и уже не на шутку горячился. А второй, явно старший брат, пытался успокоить разошедшегося «младшого», у которого от проявления эмоций даже бешметик начал вылазить из пояска.

Давайте поближе познакомимся с ними, мой юный читатель, ибо это и есть главные герои этой книги, которым предстоят увлекательные приключения.

Старшего брата, как вы поняли из диалога, звали Спиридон. Имя своё он получил в честь святого Спиридона Тримифунтского, особо почитаемого в семье наших казачат. Спиридон только недавно перешел в четвёртый класс и было ему десять лет, но рассудителен он был не по годам. Светловолосый, с ясно-голубыми глазами, он больше походил на свою мать, кубанскую казачку.

Младшего же звали Лука; назван он был в честь святого Луки Крымского, еще одного почитаемого святого в этой семье. Лука был полной противоположностью брата: эмоциональный и быстрый в принятии решений, что часто играло с ним злую шутку. Несмотря на то, что ему отроду было всего семь лет, отпор он мог дать любому. Рос отчаянной головой и внешне походил на отца, терского казака: темноволосый, с немного смуглой кожей, и только его глаза небесно-голубого цвета роднили его с матерью. Семья казачат по меркам XXI века была большая: отец, мать и шесть детей, среди которых были и старше их, и младше, но сплошь девчата. Поэтому казачата, являясь всё таки маленькими, но мужчинами, как им постоянно говорили батя с матерью, тянулись в играх и разных шкодах друг к другу.

Итак, давайте вернемся туда, где мы оставили наших героев, и немного подслушаем их дальнейший разговор.

— Эх, Спиридоха, если бы у нас была машина времени, мы бы с тобой стали путешествовать по древним временам, посетили бы все народы, из которых вышли казаки, всё бы посмотрели, записали и, вернувшись, всем-всем бы доказали, что мы не «беглые холопы», а скифы, сарматы, черкасы, бродники. Одним словом: — степняки мы, а не лесные «московиты».

Так говорил Лука, загребая казацкими сапожками сухую осеннюю листву, стоя на обочине станичной дороги и смотря на то, как «старшой» брат поправляет ему бешмет, подтягивая станичный пояс и возвращая на место сползшую набекрень кубанку. Спиридон вообще был аккуратистом и даже немного франтом в отношении национальной одежды, и, несмотря на возраст, носил её с каким-то особенным шиком и любовью. Спиридон хитро улыбался. Уже два года как он занимался приборостроением у одного ужасно грамотного и жутко умного старого казака, который, как говаривали местные, вместе с Королёвым строил и запускал ракеты в космос.

Старый казак Никифор. За два года до…

Казак Никифор, а именно так его звали, был хоть и крепким ещё дедом, но шёл ему, как-никак уже сто первый год, и он плотно задумался о том, кому же передать дело и секрет всей своей жизни.

Когда-то, работая с Королёвым над одним из многих испытаний ракеты, у них что-то пошло не так, и Никифор, следя за приборами, буквально на одну минуту перед собой увидел не свет лампочек и показания стрелок и манометров, а туман, из которого на него неслась целая конная лава вроде и казаков, вот только одеты они были как-то необычно.

На них были штаны с лампасами, но лампасы были кожаными, куртки чем-то напоминали донские чекмени, но были и отличия: на головах у них были высокие островерхие шапки, а в руках — небольшие кривые луки вместо шашек. И скакали они на конях без привычных Никифору сёдел. Было что-то вроде современной попоны для лошадей и на этих импровизированных сёдлах не было стремян.

Буквально в течение минуты конники проносились с гиканьем мимо него, и всё растаяло в туманной дымке. Никифор даже почувствовал тот ветер, который подняла за собой конница. Он отчётливо слышал ржание коней и даже чувствовал, знакомый с раннего детства, запах «взмыленного» коня.

Никифор никому об этом видении не рассказал, ибо времена были тогда неспокойные и могли его и в «психушку» упечь, но понял, что в процессе опыта, они разорвали материю времени. Заинтересовавшись тем, что с ним произошло, Никифор начал изучать всё то, что было известно о времени, и параллельно ходил по музеям. Именно в одном из них на картине он увидел тех, кто когда-то выскочил на него из тумана. И были это скифы. Ещё в детстве Никифор от своего деда слышал о том, что они одни из предков казаков. И тогда Никифор понял, что они чуть не изобрели машину времени. Её создание и стало смыслом и тайной его жизни. Он вернулся в свою родовую станицу Егорлыкскую, которая находилась на земле, именуемой Казачий Присуд. Восстановил свой родовой курень, а на «базу» построил крепкий сарай, в котором стал проводить эксперименты.

С каждым годом он всё ближе был к разгадке тайны времени, но чего-то ему не хватало. Никифор старел, и мозг его, хоть и был ещё светлым и острым, но всё же уже не мог думать в ногу со временем.

Старый казак всё отчётливее понимал, что ему нужен помощник. Тот, кто ему поверит и не скажет, что старик сошёл с ума. И Господь послал ему такого человека в помощь. Им стал наш знакомый Спиридон.

Знакомство Никифора со Спиридоном и всей его семьёй

Однажды на празднике «Дня станицы» Никифор вышел прогуляться, размять старческие кости, на главную площадь, которую казаки-старожилы до сих пор называют «майданом». Как известно, старики тянутся к детям и наоборот. Вот и наш дед Иваныч, как его многие называли просто по отчеству, пошёл присесть на лавку возле большой детской площадки.

Ох и гвалт же здесь стоял! Был солнечный день, и детворы на праздник высыпало в огромном количестве. Никифор был в шароварах и рубахе «кавказского кроя».

Старый казак сидел на лавке и, прищурившись, смотрел на солнце, и даже в какой-то момент «закемарил». Что же он видел в своём мимолётном сне? А всё ту же конную лаву, виденную им однажды в лаборатории, и всё думал, где же он что-то пропустил в своих расчётах.

— Здорово живёшь, диду?

Никифор приоткрыл глаза и очень сильно удивился. Перед ним стоял мальчуган, практически его копия в таком же возрасте. Нет, всё-таки мальчуганом его и не назовёшь, думал он. Перед ним в XXI веке стоял настоящий справный казак, хоть и младый по росту и летам. Ярко-васильковый бешмет, шаровары без лампас, высокие кожаные сапожки и неизменный станичный пояс сидели на нём как влитые, и видно было, что одежда эта ему нравится, и главное — привычна, и носит он её не только по праздникам, но и на каждый день. Единственное, почему было заметно, что они оба живут в нашем с вами времени, мой юный читатель, — это был вертолёт на радиоуправлении, который держал маленький казачок.

— Слава Богу! — серьёзно ответил дед Никифор. — А чей же ты такой будешь и как тебя величают?

— Филатовы мы, а меня Спиридоном батя назвал. Мы недавно в станице. С города перебрались сюда. По бате я с Терека и Дона, по матушке — с Кубани. Говоря это, Спиридон даже как-то преобразился: вырос, что ли, на несколько сантиметров, и гордая осанка проявилась, и взгляд стал прямой, с вызовом.

«Вот она — горячая казацкая кровь, которой не хватает сегодня. Ох и не завидую я его сверстникам, которые вдруг решат посмеяться над мальцом на тему его казачьего рода». Так думал Никифор, а вслух сказал:

— А меня, значит, дедом Никифором зовут. И батя, и матерь — с Дону. Так ты чего хотел-то?

— Да вот вертолёт что-то барахлит, не хочет правильно летать. Я уж его и разбирал, и собирал, кое-что даже переделал. Он, конечно, стал лучше летать, даже лучше, чем когда новый был, но что-то ему мощи не хватает, хочу, чтобы выше и быстрее летал.

Никифор сидел, замерев, боясь пропустить хоть одно слово мальца. Он понимал, что прямо сейчас, возможно, ему посылается тот, кого он уже много лет ищет, тот, кому он сможет передать дело своей жизни.

— А сколько тебе годков? — спросил дед Никифор.

— Целых восемь, — серьёзно ответил Спиридон.

— И давно ты занимаешься переделкой игрушек?

— Да где-то с год. Батя мне год назад подарил инструменты и сказал, что я так хоть не впустую буду ломать игрушку, а увижу, из чего она внутри состоит. «Глядишь — говорит, и чинить научишься». Вот потихоньку разбираюсь, а с вертолётом что-то не получается.

— У меня с собой нет инструмента, а давай я завтра к вам приду да вместе и починим. Заодно и с батей и матерью познакомишь.

— Пойду у бати добро спрошу, — сказал Спиридон и убежал, но через пять минут вернулся с согласием отца.

С момента знакомства деда Никифора с семьёй Филатовых и особенно со Спиридоном прошло без малого два месяца. Дед Никифор был всегда желанным гостем в семье, а Спиридон плотно занялся приборостроением под руководством своего наставника. Как-то раз, сидя с отцом Спиридона на лавке и беседуя о днях прошлых, Никифор взял и рассказал о том, что с ним приключилось. Думал, что сейчас рассмеются ему в лицо, но Николай, глава семьи, даже и не думал это делать. Внимательно выслушав историю и просьбу передать своё дело жизни его сыну, дал своё согласие. Он и сам тяготел к изучению истории казачьего народа.

И вот работа закипела с новой силой, новой энергией и новыми молодыми мозгами. Но чего-то не хватало. Нужен был предмет, который свяжет современность с далёким прошлым. И такой предмет нашёлся. Его сама родная степь вручила казачонку.

Глава II. Таинственный браслет

Однажды, гуляя по степи за станицей, Спиридон увидел, как в траве от чего-то отразился луч солнца. Подойдя ближе, он увидел тяжёлый бронзовый браслет, покрытый зелёным налётом. На нём были выбиты странные знаки, не похожие ни на одни буквы, которые он до этого видел. Взяв браслет, Спиридон помчался со всех ног к деду Никифору.

— Это киммерийское письмо, — сказал дед Никифор, когда он принёс находку. — Древний народ жил здесь три тысячи лет назад. Исчез внезапно и таинственно. Мало кто знает, куда они делись.

В ту ночь Спиридону приснился сон: он стоял на берегу моря, а перед ним — всадники в бронзовых доспехах, с луками и копьями. Один из них снял шлем и показал на браслет.

— Надень его, — сказал он, — и увидишь то, что скрыто. Спиридон проснулся с криком. Браслет лежал на тумбочке. Юный казачок понял, что это то, чего не хватало, чтобы закончить работу над машиной перемещающей во времени.

Приведя себя в должный порядок, он заспешил к деду Никифору, чтобы поделиться открытием и начать работу по изготовлению прибора. Только через неделю кропотливых усилий двух умов (старческого и младого) работа была завершена. Всё устройство представляло собой всё тот же браслет, только с добавлением различных датчиков контроля времени.

Первое испытание было назначено на воскресенье после того как вся семья сходит в храм и будущие путешественники примут причастие перед дорогой в неизведанные края.

Мои юные читатели, помните, с чего началось это приключение? Мы оставили наших главных героев — казачат Спиридона и Луку — на обочине, когда Спиридон поправлял одежду младшего брата и хитро улыбался. Почему? Да всё потому, что та машина времени, о которой так грезил Лука, по сути, была готова. Спиридон понимал, что дед Никифор не сможет отправиться с ним. Потому что, во-первых, ему было много лет, а во-вторых, он должен был быть у главной установки и контролировать весь процесс. Поэтому, как напарник, оставался Лука.

Почему не отец, спросите вы? И на этот вопрос у всегда рассудительного не по годам Спиридона ответ был готов. Дома оставались матушка и три сестры, да недавно родившийся брат Георгий, и их нужно было обеспечивать, а в XXI веке на одном огороде и корове Майке далеко не уплывёшь. А у бати как никак была работа, и семья никогда не голодала и жила не хуже любой «станишной». Конечно, о путешествии он не сказал родителям. А что их зря беспокоить, так думал Спиридон, и так же решил Лука, когда брат ему рассказал о возможности путешествовать во времени к нашим предкам.

Мой юный читатель, ты скажешь, как дети 10 и 7 лет могут самостоятельно путешествовать?

И правда, они же ещё малыши по современным меркам, но давай вспомним, какими взрослыми были дети сто лет назад. Отец и мать на таких детей спокойно оставляли хозяйство и уезжали на сенокос, порой не возвращаясь домой по целой неделе. Семилетка спокойно нянчил годовалых малышей. И хоть сегодня другое время, но наших казачат именно так воспитывали, и они были для отца первыми помощниками по хозяйству, а для матери — по дому.

Да и, конечно, не надо забывать, что они казаки, а это о многом говорит. У казаков в генах заложено умение бороться с трудностями во время походов. А что такое путешествие во времени, как не поход?

— А знаешь, Лука, мы же с дедом Никифором уже сделали машину времени. Пойдёшь со мной в настоящий казацкий поход к нашим предкам в гости? — спросил Спиридон.

Глаза Луки и так всегда широко открытые, от изумления стали ещё больше на несколько секунд. Радости его не было предела, но он, осознав всю значимость момента, собрал всю свою серьёзность в кулак и с расстановкой ответил:

— Конечно, братишка, пойду. Знаешь, в дороге всякое может случиться, а я всегда буду рядом, да и если что — вдвоём защищаться легче.

— Тебе бы только подраться да повоевать. Нам в первую очередь надо собрать информацию, которая всем покажет, что мы с тобой казаки от казаков, а не лапотники какие-то. Короче, побежали к деду Никифору, я там неделю уже делаю различные приготовления, — сказал Спиридон и помчался до куреня старого казака.

Дед Никифор возился в амбаре с какой-то причудливой техникой. Человек со стороны, посмотрев на неё так и не понял бы что это, но влетевшие на баз казачата знали предназначение машины. Лука остановился от неё в паре метров и с восхищением смотрел на агрегат, созданный Никифором и Спиридоном.

Машину времени он видел впервые, и хотя пока они бежали к деду, Спиридон успел ему рассказать кое-что, но, находясь рядом с ней, у него перехватывало дыхание от эмоций. Воображение Луки уже рисовало ему, как он скачет на коне вместе с казаками. Как конная лава врубается в строй врагов, и вот в другое мгновение он уже сидит ночью перед костром и играет казачьи песни вместе с другими.

Вдруг наваждение пропало, и перед Лукой снова стояли брат и дед Никифор. Лука посмотрел сначала на них, потом на машину и сказал всего два слова:

— Давайте готовиться.

Спиридон и дед Никифор уже были готовы.

Глава III

Поход I

К Киммерийцам

Двум братьям и деду Никифору было важно добраться до самого начала, так сказать, до истока зарождения своего казацкого народа.

Дед Никифор что-то пощелкал на основной установке, Спиридон надел браслет, взял Луку за руку, и мир поплыл. Перед глазами казачат пролетали исторические события, народы и люди как в ускоренной перемотке фильма к его началу.

Внезапно всё прекратилось, и они оказались в степи. Не той, что знали, с асфальтовыми дорогами и линиями электропередач, а в бескрайней, дикой, покрытой ковылём до горизонта. Ветер нёс запах полыни и конского пота. Солнце стояло высоко, но было каким-то другим — ярче, чище.

— Где мы? — прошептал Лука, оглядываясь.

— Я думаю… — Спиридон посмотрел на браслет. — Я думаю, мы там, где были эти знаки.

Вдалеке показались всадники. Их было много — десятки, сотни. Они ехали медленно, растянувшись цепью, и в руках у них были короткие и, сразу видно, тугие луки. Доспехи были из кожи и защищены нашитыми пластинами из бронзы и железа, которые на солнце сияли. Впереди ехал вождь — высокий, с гривой чёрных волос, с лицом, обветренным до состояния старой кожи.

— Это они, — выдохнул Спиридон. — Настоящие киммерийцы.

Вождь подъехал ближе. Его лошадь фыркала, косила глазом на наших казачат, но вождь держал её уверенно. Он что-то сказал на языке, которого они не понимали, но интонация была ясной: «Кто вы?» Спиридон поднял руку с браслетом. Вождь посмотрел на него, и его лицо изменилось. Он соскользнул с лошади, подошёл ближе, взял браслет и повернул его к свету. Затем, к удивлению мальчиков, он заговорил — медленно, с трудом, но на языке, многие слова которого были понятны казачатам с детства, ибо слышали они слова казацкого языка, который назывался в их мире по- разному: гутор, балачка и даже суржик, но всегда все учёные называли его диалектом русского языка. И вот было первое доказательство того, что казаки в XXI веке говорят на своём древнем языке, появившемся совершенно в другом месте, чем русский.

— Этот браслет… мой дед… отдал… шаману. Шаман сказал: «Когда вернётся — придёт время, тогда мир станет другим».

— Вы… из другого времени? — спросил вождь.

Спиридон и Лука переглянулись и одновременно кивнули.

— Мы из будущего. Из вашего будущего. Через три тысячи лет, — сказал Лука.

Вождь долго молчал. Потом усмехнулся — горько, по-старчески, хотя на вид ему было лет сорок.

— Значит, мы не исчезнем. Мы станем… легендой?

— Вы станете историей, — сказал Спиридон. — Люди будут спорить, кто вы такие и куда ушли.

Вождь покачал головой:

— Мы никуда не уходим. Мы просто… растворяемся. Смешиваемся с другими племенами. Наши дети будут говорить на других языках. Но кровь останется.

Он снял с шеи амулет — маленькую бронзовую фигурку лошади — и протянул Луке.

— Возьми. Когда вернёшься — покажи своим людям. Пусть знают: мы были. Мы не исчезли. Мы просто стали маленькой частью всех, кто жил после нас в степи.

Лука в восторге принял подарок. Его глаза сияли счастьем. Вождь запрыгнул на коня, повернул его и повел своих воинов дальше в поход. Всадники уехали так же внезапно, как появились. Туман поднялся от земли, и казачата почувствовали, как мир снова поплыл.

Когда туман рассеялся, они стояли в старом сарае деда Никифора, и он им улыбался. Браслет был на руке Спиридона, а в кармане Луки лежал холодный бронзовый амулет.

— Это было?.. — начал Лука.

— Это было, — перебил Спиридон. — И доказательство лежит в твоём кармане.

Лука достал фигурку лошади, повертел в руках и спросил у старшего брата:

— Можно я оставлю её себе?

— Можно, — разрешил Спиридон. — Но сначала я хочу понять, что за знаки на браслете. Может, это карта.

Он поднёс браслет к свету. Знаки на нём, казалось, шевельнулись. И Спиридон понял: это не буквы. Это координаты. И они ведут не в прошлое, а куда-то ещё.

Тайна бронзового браслета.

Спиридон не спал три ночи. Он перерисовывал знаки с браслета в тетрадь, сравнивал с картами, искал в интернете, но ничего не находил. Знаки не были похожи ни на одно известное письмо — ни на клинопись, ни на руны, ни на древнегреческие буквы.

— Может, это просто узор? — Лука зевнул, сидя на кровати брата. — Ну, красивый. Без смысла.

— Нет, — Спиридон покачал головой. — Смотри. Если повернуть браслет вот так, знаки складываются в линию. А если так — в спираль. Это не узор. Это карта.

— Карта чего?

— Не знаю. Но есть одна зацепка. Помнишь, вождь сказал: «Когда вернётся — придёт время, тогда мир станет другим». А что, если браслет — это не просто украшение? Что, если это ключ?

Лука поднял бровь:

— Ключ к чему?

— К двери.

На четвёртую ночь Спиридон увидел свечение браслета, разбудил Луку, и они начали внимательно изучать те знаки, которые светились ярче остальных. Лука крутился рядом, постоянно заглядывал через плечо брата, и, наконец, когда тот дал ему подержать браслет, он надел его. Мир снова начал резко крутиться так, что Лука еле успел схватить Спиридона за руку, и их в тот же момент затянуло в воронку времени, и они снова оказались в степи. Только теперь было темно. Небо усыпали звёзды, а впереди горел костёр. Возле него сидел тот самый вождь — Теушпа, как он представился.

— Вы вернулись, — сказал он, не поднимая головы. — Я знал, что придёте.

— Откуда? — спросили казачата в один голос.

— Шаман сказал: «Те, кто носят браслет, придут дважды. Первый раз — чтобы увидеть. Второй — чтобы понять».

Спиридон и Лука сели напротив. Огонь бросал тени на лицо вождя, делая его почти прозрачным.

— Понять что? — спросил Спиридон.

Теушпа протянул руку и коснулся браслета. Знаки на нём вспыхнули тусклым золотистым светом.

— Этот браслет не наш. Мы нашли его в кургане, который был старше нас на тысячу лет. Тот, кто его создал, знал то, чего не знаем мы. Он умел ходить между временами.

— Между временами? — удивлённо воскликнули братья.

— Да. Прошлое, настоящее, будущее — для него это были просто двери в одном коридоре. Он оставил браслет, чтобы кто-то нашёл его и продолжил путь. Но путь опасен.

— Какой путь? — спросил Лука.

Теушпа встал и указал на горизонт. Там, где звёзды сходились в одну точку, висело едва заметное сияние — похожее на северное, но более плотное.

— Там вход. Вам надо туда, где время течёт иначе. Если готовы, наденьте браслет на левую руку и идите на свет. Но помните: то, что увидите там, изменит вас обоих. Не все, кто уходил туда, возвращались.

— А можно побольше узнать про ваш народ, прежде чем мы пойдем дальше? В наше время про киммерийцев мало

известно, — спросил Спиридон.

Теушпа горько улыбнулся одними уголками губ и тихо произнес:

— Мы уже практически растворились, но когда-то были великими и сильными. Садитесь ближе к костру, ночь еще долго будет владеть этим миром, и я постараюсь вам рассказать про мой народ всё, что знаю от своих предков.

— Мы живем в степях с незапамятных времен. Изначально одна часть нашего народа появилась в этих местах, идя за своим скотом. Когда мы сюда пришли, здесь уже жили другие племена, имен которых уже никто не помнит. Постепенно наши мужчины брали в жены их женщин, а наши женщины часто шли в жены к их мужчинам. Так со временем мы стали одним народом, который вы знаете под именем киммерийцев. — Основное наше занятие всегда было — растить скот и жить, бродя по степи. Мы никогда не строили городов и больших домов. Наши дома — это наши большие повозки, накрытые кожей животных, иногда мы ставим жилища на земле в виде юрт. Какие-то украшения, оружие, хлеб мы обычно меняем у тех, кто живет в степи на одном месте: пашет землю и может обрабатывать металл.

— Когда умирает киммериец, его хоронят в кургане с вещами, которые принадлежали ему при жизни.

Со временем в наши степи пришли другие племена, воинственные и более многочисленные, чем мы. Сами себя они называли «сколоты».

— Это те, кто в наше время известны как скифы, — вставил Спиридон, чтобы было понятней Луке, о ком говорит вождь киммерийцев.

— Да, может быть. Вообще у них много имен между собой. Сколоты или скифы — не один народ, а много разных племен. Ну и когда они пришли, мы долго с ними бились, но проиграли, и тогда наши вожди собрали большой совет, на котором присутствовали люди от всех наших родов, и мы решали, что делать дальше.

— Это же прям как у казаков казачий круг, — тихо на ухо брату сказал Лука.

На что Спиридон только сосредоточенно кивнул, и они продолжили слушать рассказ вождя Теушпа.

— На совете долго спорили, что делать: остаться, дать решительный бой и погибнуть или уйти в другие края и начать всё сначала. Спор был жаркий. Старые вожди хотели остаться и драться и погибнуть на своей земле, молодые хотели уходить и завоёвывать другие земли, где живут слабые племена. В какой-то момент все схватились за мечи, и началась битва.

— Молодые победили. В той битве много старых вождей погибло, и их похоронили в этих курганах, что вы, хранители браслета, видите вокруг в степи. Большая часть народа ушла с молодыми вождями в другие земли; много у них впереди было и побед в битвах, и горьких поражений. В конце концов малая часть потомков тех, кто ушёл, вернулась сюда, в свои степи, к потомкам тех, кто здесь остался. И вот мы постепенно практически полностью смешались с другими племенами, и уже наше имя скоро пропадет из истории, как в свое время пропали

имена тех племен, которые в начале смешались с нами и приняли наше имя. Вот такая история, хранители.

Вождь посмотрел на казачат — те уже сонные, что-то отвечали ему, но уже практически во сне. Занималась заря, и утренний холодок заставлял ёжиться казачат, поэтому вождь укрыл их шкурами животных, и дав им поспать первые утренние часы, вскочил на своего коня и отправился в степь. Теушпа прекрасно понимал, что больше не увидит этих странных детей из другого времени, в которых течет, хоть и малой толикой, но и его кровь.

Когда вождь киммерийцев, отъехав далеко от ночной стоянки, последний раз обернулся, то увидел яркое свечение и понял, что браслет вернул казачат домой. Он тихо, почти про себя, сказал:

— Прощайте, мои юные потомки, и помните киммерийского вождя Теушпа, а я уж точно не забуду встреч с вами. Повернул коня и через мгновение растворился в утренней туманной дымке, которая легла на Великую степь.

Глава IV

Поход II

К Хранителю

Спиридон проснулся с колотящимся сердцем. Браслет был на левой руке. Он не помнил, чтобы надевал его туда.

После завтрака Спиридон и Лука отправились к куреню деда Никифора, чтобы рассказать ему о том, что браслет сработал и без основной установки, но, по-видимому он может возвращать их в то место, где уже был, с новыми хранителями, как их назвал вождь Теушпа.

Деда Никифора братья застали в постели. После того как он нашёл того, кому можно передать всю тайну своей жизни, дед начал сдавать. Часто болел, чего раньше с ним не было. Это и понятно: сто три года недавно стукнуло. Никифор в разговоре с братьями часто говорил, что уже пора собираться в дальнюю дорогу.

Казачата, перед тем как поговорить с наставником, приготовили ему настоящий казацкий кулеш, который дед очень уважал, так как он придавал ему сил.

Во время обеда Спиридон и Лука наперебой рассказали ему о приключении, которое с ними произошло, и о том, что вождь киммерийцев указал им на вход и они знают, где он в нашем времени. И думают, что браслет — ключ к «двери», и она впустит их без основной установки.

После обеда Никифор сказал, что хочет прилечь в саду на тапчане, отдохнуть.

Спиридон с Лукой засобирались в очередной поход, теперь уже к Хранителю.

— Собирайся, Лука, не будем мешать деду Никифору отдыхать.

— Куда двинемся? — спросил Лука.

— К старому кургану за рекой. Тому, что похож на холм с плоской вершиной.

— Думаешь, там вход?

— Я знаю. Он должен быть там.

Курган находился в степи в трёх километрах от станицы. Никто не знал, кто его насыпал и когда. Археологи приезжали, покопали, нашли несколько черепков и уехали, решив, что это обычный могильник.

Спиридон и Лука поднялись на вершину. Солнце стояло в зените. Спиридон достал браслет, тот, на удивление, был тёплым и тихо, едва ощутимо вибрировал, знаки на нём шевелились, будто живые. Спиридон надел его на левую руку и поднял её вверх, к солнцу. И мир раскололся.

Они не упали. Они просто оказались в другом месте.

Вокруг был каменный зал — огромный, с колоннами, уходящими в темноту. Стены были покрыты теми же знаками, что и браслет. В центре зала стоял куб из чёрного камня, а на нём — книга.

— Это… библиотека? — прошептал Лука.

— Это хранилище, — ответил голос.

Из тени вышел человек. На вид — лет сорок, в простой одежде, без доспехов. Но глаза у него были странные — в них, казалось, отражались звёзды, а если в них долго смотреть, то начинало казаться, что проваливаешься в космическую черную дыру.

— Я — Хранитель. Тот, кто создал браслет, был моим учителем. Он знал, что придёт время, когда миру понадобится знание, которое мы спрятали.

— Какое знание? — спросил Спиридон.

Хранитель подошёл к алтарю и открыл книгу. Страницы были пустыми, но когда он провёл рукой, на них проявились письмена.

— Здесь записано всё, что было, есть и будет. Каждое событие, каждая жизнь, каждая война, что происходили в степи. Но главное — здесь записано, как избежать катастроф.

— Каких катастроф? — спросили братья в один голос.

— Тех, что ещё не случились. Но случатся, если люди не узнают правду.

Лука шагнул вперёд:

— И что нам делать?

Хранитель посмотрел на него долгим взглядом.

— Вы должны выбрать. Остаться здесь и изучать — или один из вас может вернуться и рассказать всё людям. То есть как минимум один должен остаться. Тот, кто вернётся, должен знать, что браслет перестанет работать. И он больше никогда не сможет сюда попасть.

Спиридон и Лука переглянулись. В голове у старшего брата пронеслось: «Я могу узнать всё. Все тайны мира. Или вернуться и попытаться что-то изменить, но тогда придётся бросить брата, а этому не бывать». Он посмотрел на Луку.

Тот тихо, одними губами, так, чтобы услышал только Спиридон, сказал:

— Вместе попали, вместе и будем выбираться.

Спиридон кивнул.

— А что бы сделал ты? — спросил Лука.

Хранитель улыбнулся — грустно, как человек, который знает ответ, но не хочет его говорить.

— Я остался. И теперь я один. Мой учитель ушёл, чтобы найти тех, кто сможет продолжить дело. Но он не вернулся. Лука сжал кулаки:

— Значит, если мы останемся — мы тоже будем одни?

— Возможно. Но вы будете знать всё.

Спиридон посмотрел на книгу. Потом на браслет. Потом на Луку.

— Я хочу знать, — сказал он. — Но я не хочу быть один. Мы оба возвращаемся. Хранитель всё так же грустно покачал головой и сказал:

— Это невозможно, плата за знания — жизнь человека, которую он должен посвятить этим знаниям. В своё время и мне пришлось сделать этот выбор.

И тут из глубины зала послышался голос, сказавший:

— Я здесь останусь.

Все трое повернулись в сторону голоса и увидели деда Никифора.

— В нашем мире меня уже ничего не держит. Мои любимые казачата, Спиридон, тебе я передал свои знания, чтобы вы оба в дальнейшем продолжили мой путь по познанию того, откуда пошёл казачий род изначально. И в напарниках у тебя всегда будет брат, отважный и дерзкий, который всегда, в любой опасности, прикроет твою спину. Вместе вы добьётесь многого, а мне пора уходить, и так засиделся на этом свете. А что может быть лучше, чем уйти туда, где можно получить ответы на все свои вопросы? Поэтому Хранитель, я остаюсь вместо них, принимаешь этот вариант? Хранитель задумчиво молчал и смотрел на старика, лишь через несколько минут утвердительно кивнул и сказал:

— Я долго ждал тебя, старик, ещё с того самого дня, когда открыл тебе мимолётную возможность увидеть прошлое в той самой лаборатории, для того, чтобы ты посвятил свою жизнь изучению времени и в итоге смог прийти и заменить меня. Я рад, что так получилось. И я теперь наконец-то обрету покой и передам тебе все знания, а юные казачата пусть продолжают путь, который им с сегодняшнего дня уготован.

— Ты, старик, переписал их историю, их жизнь, и теперь только от них самих зависит, как они её проживут. Прощайте, юные казачата.

Спиридон снял браслет и положил его на алтарь:

— Мы вернёмся. И расскажем людям то, что узнали. Даже если это будет только малая часть.

Хранитель кивнул:

— Вот только поверят ли вам? Человек — странное существо. Зачастую готов верить в откровенную чушь, а в правду верить отказывается. Так же и с вами. Вы вроде изначально это всё затеяли, чтобы доказать, что казаки — потомки степных народов, а не беглых холопов. Но по сути, это ясно как белый день, однако большинство людей, даже тех, кто в вашем времени считаются умными и имеют различные учёные звания, придерживаются другого мнения. Почему? Такова уж суть человеческой природы — нежелание признать ошибку. Но я думаю, у вас многое получится на этом пути, тем более что незримо вам будет вам помогать новый Хранитель. Это, конечно, не в правилах, но, думаю, его это не остановит.

— Ещё раз прощайте, друзья. И да, заберите браслет. Он всё ещё может вам понадобиться: сюда, конечно, вы не пройдёте, но в путешествиях, вами задуманных, он поможет. Ведь он сам по себе имеет большую силу; главное — слушайте его подсказки, и всё у вас получится. И когда придёт время, он вернётся к Хранителю.

Казачата тепло попрощались с дедом Никифором и через минуту снова стояли на кургане. Солнце клонилось к закату. В руке у Спиридона был браслет — тёплый, но уже не светящийся.

— Мы могли бы узнать всё, — тихо сказал Лука.

— Могли. Но знания без людей — просто буквы. А мы — живые.

Лука улыбнулся:

— А знаешь, что я понял?

— Что?

— Киммерийцы не исчезли. Они просто стали нами. Мы — их продолжение. И мы можем сделать то, что не смогли они. Спиридон посмотрел на браслет. Знаки на нём потускнели, но они всё ещё были там, как напоминание о том, что время — это не стена, а дверь.

— Пойдём в курень деда Никифора, — сказал он. — Нам ещё многое нужно сделать.

Глава V

Год спустя. Курган

С момента, как пропал дед Никифор, прошёл год. Многие в станице думали-гадали, что с ним могло случиться, и в итоге пришли к выводу, что он, пойдя на реку рыбалить, просто утонул. Через некоторое время и власти признали его официально умершим.

Как оказалось, у нотариуса хранилось его завещание, по которому всё имущество наследовали два малолетних брата, Спиридон и Лука Филатовы, и до их совершеннолетия распорядителями всего имущества были их родители Николай и Екатерина.

Братья не стали рассказывать даже родителям о том, что же на самом деле приключилось и что дед Никифор по сути спас их из временной ловушки. Иначе родители просто могли запретить дальнейшие возможные приключения и поиски истоков казачьего народа.

Оба брата понимали, что основную роль в дальнейших путешествиях должен сыграть браслет, но и установку, созданную дедом Никифором и Спиридоном, не разбирали. Однажды Спиридон стоял на вершине кургана и смотрел на закат. За год многое изменилось. Он вытянулся, стал серьёзнее, а в глазах появилась та глубина, которая бывает у людей, видевших нечто большее, чем обычная жизнь, у людей, которым уже приходилось делать жизненно важный выбор.

В руке он держал браслет. Знаки на нём давно потускнели, но иногда — только иногда, в определённом свете — они вспыхивали на долю секунды, будто напоминая: «Мы здесь. Мы ждём».

Спиридон был практически уверен, что это весточки от деда Никифора. Знаки как будто говорили: «Терпи ещё не время, всё будет, жди».

Рядом остановился Лука. Он держал в руках папку с бумагами, в которых были результаты раскопок, организованных ими прошлым летом.

— Археологи подтвердили, — сказал он, садясь на траву.

— Курган старше, чем мы думали. Ему около пяти тысяч лет. И там, под слоем земли, нашли следы поселения, которого не должно быть.

— Которое не принадлежит ни одной известной культуре? — уточнил Спиридон.

— Именно. Керамика, металл, даже остатки укреплений. Но главное — вот это.

Лука протянул фотографию. На ней был изображён фрагмент стены с выбитыми знаками — теми самыми, что были на браслете.

Спиридон усмехнулся:

— Они были здесь. Настоящие создатели браслета. Не киммерийцы — те просто нашли его. А те, кто был до них.

— Кто они? — спросил Лука.

— Не знаю. Но теперь у нас есть доказательство, что они существовали. И что они знали то, чего не знаем мы. Спиридон посмотрел на браслет. Потом на горизонт, где солнце медленно опускалось за край степи.

— Помнишь, что сказал Хранитель? «Когда придёт время, вы продолжите путь».

— Помню. И что?

Спиридон повернулся к брату. В глазах у него горел тот же огонь, что и год назад, когда они впервые прыгнули сквозь время.

— Я думаю, время пришло. Мы узнали достаточно, чтобы задавать правильные вопросы. Но мы не узнали ответы.

Лука поднял бровь:

— Ты хочешь вернуться?

— Браслет больше не работает. Но, может, есть другой способ. Мы знаем, где находится хранилище. Мы знаем, как туда попасть. Может, нам просто нужно найти другую дверь? И потом, там, Хранителем наш дед Никифор; он, конечно, подчиняется правилам хранилища, но в любом случае это наш «засадный полк» внутри — он обязательно найдёт способ нам помогать оттуда, направлять нас.

Лука долго молчал. Потом улыбнулся — той самой улыбкой, с которой они когда-то строили плот из старых досок и потом спускались по реке почти до моря. Ооооx и попало им тогда, но дух авантюризма из Луки вытравить было невозможно.

— Знаешь, я думал, что мы закончили с этим. Что мы просто расскажем людям и будем жить обычной жизнью.

— И?

— И я понял: обычная жизнь — это не для нас. Мы видели то, что скрыто. Мы не сможем делать вид, что этого не было. Спиридон кивнул. Он снял браслет и протянул его Луке.

— Держи. Пусть он будет пока у тебя. А я попробую найти другие следы. В архивах, в старых картах, в легендах. Где-то есть ответ.

Лука взял браслет. На мгновение ему показалось, что знаки на нём вспыхнули ярче, — но это могла быть просто игра света.

— А если мы найдём? — спросил он.

— Тогда мы снова отправимся в путь. Только на этот раз — не к киммерийцам. К тем, кто был после. И я думаю, мы найдём в итоге следы тех самых, первых.

Они стояли на кургане, пока солнце не село. Где-то вдалеке, за рекой, за болотами, за степями, лежал вход в хранилище, полное знаний, которые могли изменить мир. И они знали: однажды они найдут его и снова увидят деда Никифора. А уж он им поможет. Но это уже другая история.

Глава VI

Поход III

Золото степей. Скифы

Спиридон и Лука сидели в краеведческом музее. Дело было в конце мая — школьные занятия уже закончились, и они решили, что лето нужно начать с чего-то интересного. Директор музея, пожилой археолог с седой бородой, показывал им новую экспозицию.

— А вот это, — он указал на витрину с золотыми украшениями, — недавняя находка. Скифский курган. Три тысячи лет. Золото, бронза, даже остатки войлока от головного убора чудесно сохранились. Часто погребальные курганы мы находим разграбленными, притом зачастую ещё в древние времена, а тут целый, нетронутый курган с захоронением какого-то важного, значимого воина.

Спиридон наклонился ближе. Среди украшений лежала небольшая золотая пластина с выбитым изображением оленя.

И вдруг он почувствовал, как знакомый холодок пробежал по спине. Он повернулся к Луке — тот смотрел на пластину с таким же выражением лица.

— Это не просто украшение, — тихо сказал Лука. — Смотри, на спине оленя — знаки. Те же, что были на браслете.

Директор удивлённо поднял бровь:

— Вы знаете об этих знаках? Мы как раз пытаемся расшифровать их. Никто не может понять, что они означают, а у нас, поверьте мне, неплохая группа специалистов собралась. Мы пытались привязать эти знаки к одному из племён, но не смогли, ничего похожего не нашлось.

Спиридон переглянулся с Лукой. Браслет, который привёл их к киммерийцам, лежал сейчас дома в шкафу, под стопкой старых журналов. Он перестал работать после их последнего путешествия — но знаки на нём были точно такими же.

— Можно посмотреть поближе? — спросил Спиридон. Директор пожал плечами и открыл витрину. Спиридон взял пластину в руки. Она была тяжёлой, холодной. На спине оленя действительно были выбиты знаки — маленькие, но чёткие. И когда он провёл по ним пальцем, то почувствовал лёгкое покалывание.

— Лука, — прошептал он. — Это не просто знаки. Это координаты.

— Координаты чего?

— Не знаю. Но я примерно понимаю, где мы можем это выяснить.

Спиридон и Лука прекрасно понимали, что пластину им никто не даст для опытов. Поэтому оставался только один способ — временно ею завладеть. Правда, был он не совсем законный. Нужно было её выкрасть и потом постараться вернуть, пока никто не заметил пропажи. План обдумали быстро, тут же на месте.

Годы занятий по электронике с дедом Никифором не прошли даром, и Спиридону хватило даже минутного осмотра прибора сигнализации, чтобы оценить её уровень и понять, что отключить её он сможет за несколько секунд. Да и откуда в станичном краеведческом музее могла стоять какая-нибудь сложная сигнализация.

Было решено, что Лука останется в музее и спрячется за плотными шторами, которые висели на окнах и явно были там только для красоты, так как по слою пыли на них было понятно, что ими пользовались очень давно. Ночью, когда сторож будет спать, Лука, услышав условный знак (Спиридон должен трижды прокричать «сычом»), откроет окно, и Спиридон залезет в него и отключит сигнализацию. Спиридон же тем временем должен сбегать за инструментами, забрать браслет из дома и подготовить всё к походу во времени.

Так и поступили. План был прост, поэтому, наверное, сработал на все сто.

Пока шли до витрины с золотой пластиной, постоянно оглядывались по сторонам: как же всё-таки интересно в музее ночью. Необычно и немного жутко. Ощущение было, что попали в мир, где все вещи остались на местах, а людей давно нет. Вот вроде и чайник стоит на печи, и прялка с пряжей, и вроде вот-вот выйдут хозяин и хозяйка куреня и, пригласив за стол, будут пить чай, но никого не было.

Наконец добрались до зала древностей и нашли витрину со скифской пластиной.

Как и предполагал Спиридон, сигнализация оказалась простой, без сюрпризов, и уже через несколько минут два брата держали в руках пластину, которая от близости браслета ощутимо вибрировала, а он ей отвечал.

Спиридон достал браслет из рюкзака и приложил его к пластине. Знаки на обоих предметах вспыхнули одновременно — тусклым золотистым светом. Пол под ногами задрожал. Лука схватил Спиридона за руку.

— Ты уверен, что это хорошая идея?

— Нет. Но когда это нас останавливало?

Мир завертелся, и они провалились в темноту. Через минуту полёта сквозь время братья оказались в степи. Но это была не та степь, которую они видели у киммерийцев. Здесь трава была выше, небо — ярче, а воздух пах не полынью, а мёдом и цветами.

Вдалеке виднелись шатры — большие, войлочные, с золотыми нашивками наверху.

— Скифы, — прошептал Лука. — Мы у скифов.

Из-за ближайшего шатра вышли люди. Они были одеты в кожаные кафтаны, расшитые золотом, на поясах висели короткие мечи — акинаки. Впереди шёл человек в высоком головном уборе — явно вождь или жрец. Он остановился в нескольких шагах и посмотрел на мальчиков. Глаза у него были светлые, почти прозрачные, как у человека, который много видел; лицо украшали несколько шрамов — свидетели прошлых битв, и, судя по тому, что их обладатель был жив, свидетелями побед над врагами.

— Вы пришли через золото, — сказал он на древнем языке, который казачата, к своему удивлению, понимали. — Значит, вы избранные.

— Избранные? — переспросил Спиридон.

— Те, кто носит знак оленя. Мы ждали вас.

Жрец повернулся и пошёл к самому большому шатру. Спиридон и Лука переглянулись и последовали за ним. Внутри шатра было темно. Горел только один светильник, освещающий стены, увешанные золотыми пластинами с изображениями оленей, лошадей, грифонов. В цен-

тре стоял каменный стол, на котором лежала карта — но не обычная, а вырезанная на куске золота.

— Это карта мира, — сказал жрец. — Но не того мира, который вы знаете. Это карта времён. Прошлое, настоящее, будущее — всё здесь.

Спиридон подошёл ближе. На золотой карте были отмечены не города и реки, а какие-то точки, соединённые линиями. В центре — большая точка, от которой расходились лучи.

— Что это? — спросил Лука.

— Это место, где время сходится. Там, где можно перейти из одной эпохи в другую. Мы, скифы, знаем об этом месте. Мы охраняем его. Но мы не можем туда войти.

— Почему?

Жрец посмотрел на них долгим взглядом:

— Потому что войти может только тот, кто не принадлежит ни одному времени. Тот, кто пришёл извне. Вы — такие.

Спиридон почувствовал, как сердце забилось быстрее.

— И что мы должны там найти?

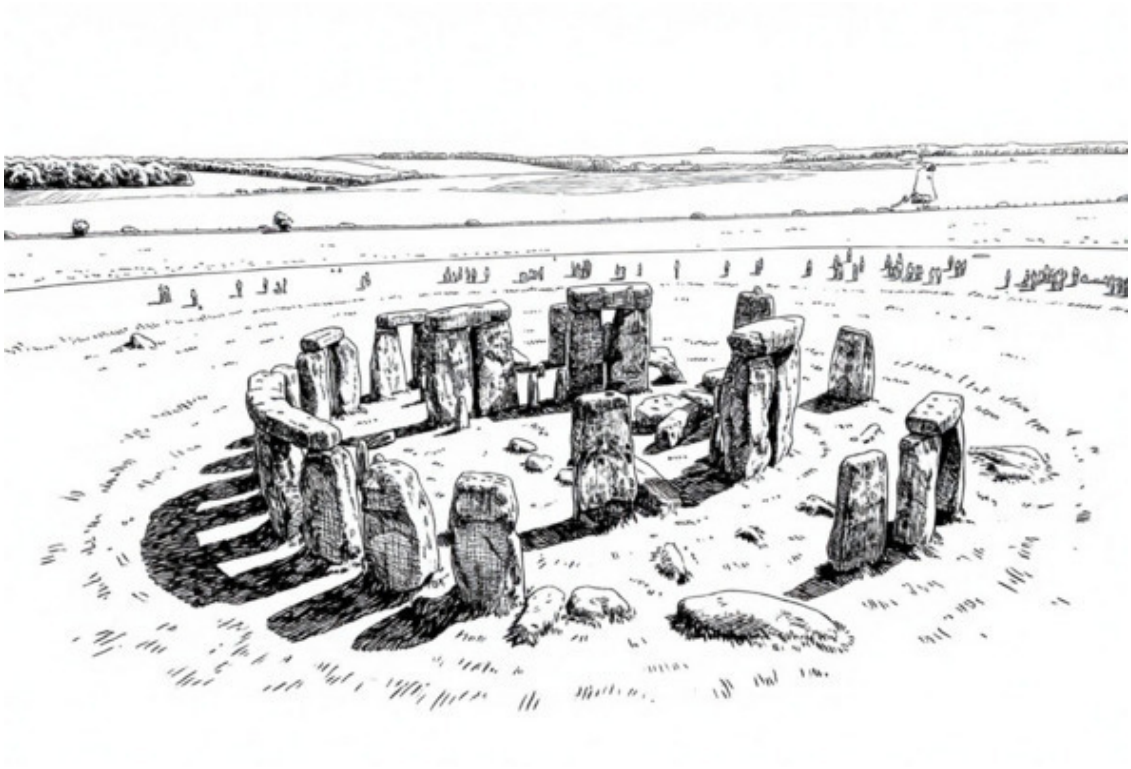
— Правду. О том, кто создал знаки. О том, почему время — это не линия, а круг. И о том, что случится, если круг разорвётся.

Братья шли три дня. Скифы дали им лошадей, еду и провожатого — молодого воина по имени Аргимп. Он молчал всю дорогу, только иногда указывал направление. Наконец на четвёртый день они увидели впереди странное сооружение — круг из каменных столбов, похожий на Стоунхендж, но меньше.

— Это место силы, — сказал Аргимп. — Дальше я не пойду. Это запретно. Я буду ждать вас под теми деревьями, — он указал на рощу неподалеку от того места, где они остановились. — Жду два дня, потом уеду. Аргимп развернул коней и уехал. Спиридон и Лука остались одни перед каменным кругом.

Внутри круга земля была чёрной, будто выжженной. В центре стоял камень — невысокий, плоский, с выбитыми на нём знаками. Спиридон подошёл и приложил браслет к знакам. Камень вспыхнул. Знаки на нём засветились — ярче, чем когда-либо. Лука отшатнулся, но Спиридон стоял, не отводя взгляда.

— Я вижу, — прошептал он. — Я вижу всё.

— Что ты видишь? — Лука подошёл ближе.

— Время — не линия. Это спираль. Всё повторяется, но каждый раз — на новом уровне. Скифы пришли после киммерийцев. Мы пришли, через множество народов, после скифов. Но те, кто создал знаки, были до всех. Они — начало спирали.

— И что с ними случилось?

Спиридон повернулся к брату. Глаза у него были странные — светящиеся, как у жреца.

— Они не исчезли. Они стали частью всего. Их кровь — в нас. Их знания — в земле. Их знаки — в каждом золотом украшении, в каждой древней надписи. Они — это мы.

Лука молчал. Потом спросил:

— И что нам делать?

Спиридон посмотрел на браслет. Знаки на нём медленно гасли.

— Мы должны вернуться. Время — это не тюрьма. Это дверь. И она открыта для тех, кто готов идти, и мы пойдём через неё ко всем народам, чья кровь течёт в нас, но сначала нам надо пораспрашивать у скифов про них самих.

Обратная дорога до лагеря скифов заняла снова три дня. Нашим путникам повезло: в степи они не попали ни в одну засаду врагов. На четвёртый день, сидя вечером в кибитке у главной жрицы, Аргимпасы — так её звали, — которая, узнав, что наши казачата из будущего и носят знак избранных, сама позвала их к себе, они мирно беседовали об истории скифов, или, как они сами себя называли, сколоты.

— Как появились скифы? — спросил Лука Аргимпасу.

— О, это интересная легенда, даже две. Скифы — будем так нас называть, раз в истории времён мы остались известны именно так. Так вот, скифы — это не одно племя, а несколько разных, и есть разные легенды о том, как мы появились в этом мире. Давайте расскажу вам обе. Первая звучит так:

«В бывшей безлюдной пустыне родился первый человек по имени Таргитай. У него родились три сына: Липоксай, Арпоксай и младший Колаксай. При них упали с неба на скифскую землю четыре золотых предмета: ярмо, плуг, секира и чаша. Старший из братьев, первым уви-

дев эти предметы, подошёл ближе, желая их взять, но при его приближении золото воспламенялось. Затем подошёл второй, но с золотом повторялось то же самое. Таким образом, золото, воспламеняясь, не допускало их к себе, но с приближением третьего брата, самого младшего, горение прекратилось, и он взял золото. Старшие братья, поняв значение этого чуда, передали младшему всё царство».

— Красивая легенда, — сказал Спиридон, — я так понимаю, секира, плуг, ярмо и чаша — это воины, землепашцы и жрецы?

— А ты умён, хоть и молод. Да, именно так. А вторая легенда о появлении скифов звучит так: первопредками скифского народа стали Геракл (который в греческой традиции выступает в качестве героя, а у скифов почитался как один из богов) и змееногая Дева. Когда родившиеся от этого союза сыновья — Агафирс, Гелон и Скиф — возмужали, Дева, следуя совету Геракла, предложила каждому из них натянуть лук, который оставил их отец, а также особым образом опоясаться его поясом с золотою чашею на конце пряжки. С задачей справился только младший из сыновей, Скиф. Ему и досталась земля, которую отныне стали именовать скифской. Братья же, Агафирс и Гелон, удалились в соседние земли. От этого-то Гераклова сына и произошли скифские цари, а от чаши Геракла — существующий до сих пор у скифов обычай носить чаши на поясах.

— Одна легенда красивее другой, — сказал Лука.

Тем временем Аргимпаса продолжала рассказывать про жизнь скифов.

— Интересно, что ваш народ носит имя казаки, оно очень схоже с именами наших двух племён — Кас и Саки. Может, уже с наших времён часть людей и взяли имя для своего народа — казаки.

Казачата слушали жрицу затаив дыхание, они понимали, что сейчас им открывается история их казачьего народа.

А жрица продолжала:

— Как видите, домов мы не строим, мы хозяева степей. Наш дом — это вся Великая степь. У нас для женщин и детей строятся вот такие кибитки, в одной из которых мы с вами и сидим. Это мой дом. Сегодня он здесь, а завтра может быть совсем в другом месте.

Своих умерших мы хороним, как и все те, кто кочует по степи, в курганах. Некоторые делаем сами для богатых или знаменитых воинов, а более бедных наших сородичей хороним в тех курганах, которые встречаются по дороге.

Много кто хотел нас победить, но дело это сложное: попробуй победить народ, у которого нет городов или постоянных поселений, — это как бороться с ветром.

— Как вы интересно рассказываете, — сказал Спиридон.

— Многие народы в нашем времени будут с гордостью говорить о том, что происходят от скифов. Ваши племена станут легендарны. Особенно многим будет нравиться ваш звериный стиль в украшениях и золотых изделиях.

— Да, разные звери у нас — это часть наших легенд. Конечно, большую часть мы заказываем у эллинов, которые живут на берегу возле большой воды. Мы меняем у них мясо, молоко, шкуры на изделия, которые используем каждый день.

Жрица и казачата ещё долго общались и закончили только, когда начали появляться над бескрайней степью первые лучи солнца. Надо было собираться домой.

Когда они вернулись, было утро. Братья стояли в музее перед витриной с золотой пластиной; оказалось, что прошло всего три часа с того момента, как они ушли в путешествие. Браслет на руке Спиридона был холодным и тусклым, но на мгновение ему показалось, что знаки на нём выстроились в новую линию, которая вела куда-то ещё.

Лука посмотрел на пластину:

— Мы должны вернуть её на место. Иначе директор заметит.

— Вернём. Но сначала… — Спиридон достал телефон и сфотографировал знаки на пластине.

— Зачем? — спросил Лука.

— Потому что это не конец. Это только начало. Мы узнали о скифах. Но есть ещё сарматы, гунны, хазары и другие. И у каждого — свои знаки. Свои двери.

Лука расплылся в улыбке:

— Ты хочешь сказать, что мы будем путешествовать по всем временам и всем народам?

Спиридон покивал головой:

— И это тоже, но я хочу сказать, что мы будем искать все двери. И однажды найдём ту, которая ведёт к началу.

Казачата положили пластину на место, Спиридон восстановил сигнализацию, и они потихоньку вылезли в окно и пошли домой. Хотелось сильно спать. Солнце поднималось над станицей, обещая жаркий летний день.

Спиридон знал: настоящее путешествие только начинается. И где-то там, за горизонтом времён, их ждёт тот, кто создал знаки. Тот, кто был до всех.

Глава VII

Поход IV

Дом на колёсах. К сарматам

Стояла середина июля, на юге была страшная жара.

Лука после плотного обеда лежал на диване и читал, когда в комнату забежал Спиридон со словами:

— Ты всё сидишь? — голос его звучал странно.

— Вообще-то лежу, — ответил Лука. — Притом под вентилятором, ты жару чуешь на улице? Что случилось? — Помнишь, мы фотографировали знаки с золотой пластины скифов? — сказал Спиридон.

— Ну.

— Я их сравнил с тем, что нашёл в старой книге из библиотеки. Это не просто знаки. Это карта. И она ведёт к сарматам.

Лука сел на диване и отложил свою книгу. Вентилятор с шумом гонял горячий воздух, но ему вдруг стало холодно.

— Сарматы? Недавно, кстати, что-то про них читал — это те, которые пришли после скифов?

— Да. Только вот что интересно. В книге написано, что сарматы не строили городов. Они жили в кибитках на колёсах, прям как скифы. И у них был обычай: женщины воевали наравне с мужчинами. Амазонки, понимаешь?

— Понимаю, только не говори, что нам надо к амазонкам. Во всех книгах написано, что помимо тех женщин, что воевали с сарматами вместе, были и отдельные племена, где всем управляли женщины и к мужчинам они как-то не очень относились.

— Нет, с ними будем позже разбираться и что-нибудь придумаем. Наши казачки не хуже амазонок, — сказал Спиридон.

— И что нам с того?

— Неважно. Сейчас речь о сарматах, в книге есть изображение сарматской кибитки. И на её стенке — точно такие же знаки, как на браслете. Только в другом порядке. Спиридон замолчал. Браслет лежал на тумбочке — тусклый, холодный, но иногда, по ночам, ему казалось, что он слабо вибрирует.

— Где ты взял эту книгу? — спросил Лука.

— В станичной библиотеке. Она стояла в закрытой секции, где хранятся редкие и старые книги. Я попросил ключ у библиотекаря, сказал, что пишу реферат по древней истории. — И он дал?

— Нет, конечно. Пришлось импровизировать. Матушка, помнишь, вчера вареники с вишней делала?

— Конечно, помню, — сказал Лука и, вспоминая те вареники, аж зажмурился от удовольствия. — Да, матушка умеет их делать.

Спиридон вздохнул:

— Это бесспорно, но я ни к тому. Тесто у нее всегда прям мягкое, так я взял кусок с собой в библиотеку и, когда Степан Максимыч, наш библиотекарь, ушел на несколько минут, взял ключ у него со стенки и сделал отпечаток, потом заранее одно из окон снял с щеколды, чтобы можно было снаружи открыть, и чуть позже в мастерской деда Никифора на 3Д-станке сделал дубликат, и с утра, пока ты дрых, как сурок, сбегал в библиотеку, открыл секцию, нашел книгу и сравнил знаки.

Лука с прищуром посмотрел на Спиридона и сказал:

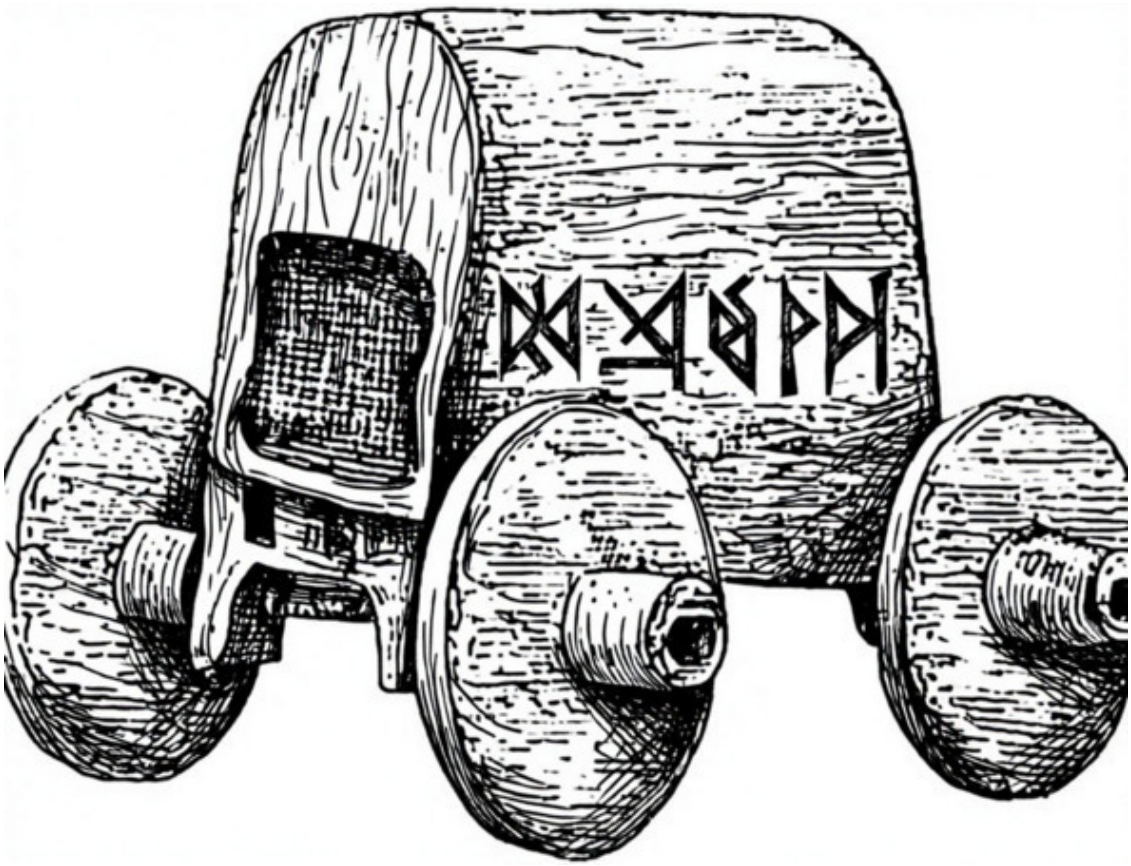
— Что-то мы с этими знаками уже второй раз куда-то влазим без спроса, как бы чем не закончилось? А окно так и осталось открытым, Максимыч же заметит.

Спиридон только ухмыльнулся:

— Максимычу уже за 80 лет, по-любому подумает, что накануне забыл закрыть.

— Ладно. Показывай свою находку.

Спиридон с Лукой сидели на полу в своей комнате, разложив перед собой старую книгу в кожаном переплёте. Страницы пожелтели, но рисунки были чёткими. На одной из них действительно была изображена кибитка — высокая, на больших колёсах, с войлочным верхом. На её стенке Лука узнал знаки — те же, что на браслете, но расположенные в другой последовательности.

— Смотри, — Спиридон провёл пальцем по знакам. Если читать их не слева направо, как мы пытались, а по спирали — они складываются во фразу.

— Какую?

— «Тот, кто ищет начало, должен пройти через дом на колёсах».

Лука поднял бровь:

— Дом на колёсах? Это что, буквально, и даже не будет никаких загадок?

— Думаю, да. Сарматы жили в кибитках. Может, нам нужно найти их.

— И как ты себе это представляешь? Мы не можем просто так переместиться во времени. Браслет работает только в определённых местах.

Спиридон улыбнулся:

— А я думаю, может, и можем. Помнишь, когда мы были у скифов, жрец сказал: «Время — это не линия, а круг». Что, если браслет — это не ключ к конкретному времени, а ключ к двери? И дверь можно открыть из любого места, если знать правильный код?

Лука посмотрел на браслет. Потом на книгу. Потом на Спиридона и, вздохнув, сказал:

— Ты предлагаешь рискнуть?

— А когда мы не рисковали? Установим наш браслет в установку, которую мы с дедом Никифором делали, настроим на ней примерный год, когда у нас в степях точно были сар-

маты, установим, через сколько нам возвращаться, и вперёд. Лука что-то обдумывал. Через несколько минут он посмотрел на брата и сказал:

— Нет, нам здесь кто-то нужен, чтобы наблюдать за установкой временных скачков, а то ненароком застрянем в прошлом.

— Так и кого нам взять? Ты же понимаешь, что нам придётся всё рассказать тому, кто нам будет помогать, — сказал Спиридон.

— Давай наших сестёр поставим на контроль. Софью да Настасью, их всё равно посвящать в наши дела, рано или поздно, — предложил Лука.

— Да, давай, — согласился Спиридон.

Сёстрам наших казачат было 13 и 5 лет. Это были главные материнские помощницы в доме, и вырвать их из него было проблематично, поэтому решили весь поход к сарматам организовать ночью. Единственная проблема — очень болтлива была пятилетняя Настя, но выбора не было. Со старшей Софьей договорились быстро: она сразу поняла, что от неё требуется, а младшую в подробности посвящать не стали, рассказали в общих чертах.

Вечером, когда все дела на «базу» и в доме были переделаны, наши герои пошли в ангар деда Никифора, как его промеж себя до сих пор называли.

Спиридон установил прямую радиоволновую связь с браслетом (благо в свое время в него дед Никифор впаял и передатчик, и приемник волн) и включил установку.

Лука в это время давал последние инструкции:

— Соня, — так он называл Софью. — Твоя задача: как только мы будем готовы, повернуть вот эти два тумблера на шесть часов, понятно?

— А что такое тумблеры? — спросила всегда и всем интересующаяся Настя.

— Вот эти две крутилки, — ответил младшей сестре Лука и снова переключился на старшую: — Соня поняла?

— Да поняла я, поняла, ничего сложного в ваших тумблерах нет, не сложнее, чем на утюге у матушки.

— Настя, твоя задача — следить за этими лампочками: если горят зеленым, то всё хорошо, если загорелись красным, значит, нам пора возвращаться; скажешь Соне, она тумблеры повернёт обратно, ясно?

— Да, Лукаша, конечно, всё понятно. Ой, как всё тут у вас интересно! — громко говорила Настасья, бегая вокруг установки.

Тем временем Спиридон всё настроил и позвал брата на исходное место для старта в прошлое. Он надел браслет, а Лука держал в руках книгу, открытую на странице с кибиткой. Спиридон провёл пальцем по знакам на браслете в том порядке, который нашёл в старой книге. Сначала ничего не происходило. Потом земля под ногами задрожала. Лука схватил Спиридона за руку и крикнул с улыбкой:

— Поехали!

Мир завертелся, и они провалились в темноту.

Братья стояли посреди степи. И снова — это была другая степь, не та, что у скифов. Здесь трава была ниже, выжженная солнцем, а горизонт — ровный, как стол. Вдалеке двигалась странная процессия: десятки кибиток, запряжённых лошадьми, медленно ехали по степи.

— Это они, — прошептал Лука. — Сарматы.

Кибитки были огромными — выше человеческого роста, с войлочными куполами, украшенными золотыми нашивками. Возле одной из них ехали всадники — мужчины и женщины в кожаных доспехах, с луками и копьями. Одна из всадниц отделилась от процессии и направилась к ним. Это была молодая женщина с длинными тёмными волосами, заплетёнными в косы, и с золотым обручем на голове. Она остановила лошадь в нескольких шагах и посмотрела на мальчиков.

— Вы пришли, мы ждали вас, — сказала она, и снова, как и в прошлые разы, казачата с удивлением обнаружили, что они понимают тот язык, на котором говорят местные люди.

— Откуда вы знали, что мы придём? — спросил Спиридон. Женщина усмехнулась:

— Старейшины видели сон. В нём было двое юных чужеземцев — они несли знак оленя и искали начало. Вы юны, и на вас есть знак оленя, значит, это вы.

Спиридон кивнул.

Женщина развернула лошадь:

— Идёмте. Старейшины ждут.

Их привели в самую большую кибитку. Внутри было темно, но глаза быстро привыкли. В центре сидели трое стариков — с длинными седыми бородами, в войлочных шапках. Перед ними горел небольшой огонь, а на стенах висели золотые пластины с изображениями оленей,

грифонов и — Спиридон замер — теми же знаками, что были на браслете. Один из старейшин поднял голову:

— Ты носишь знак. Тот, кто был до нас, оставил его. Он сказал: «Когда придёт время, двое чужеземцев принесут знак обратно». Вы принесли его.

— Мы не знали, что должны принести, — сказал Лука.

— Неважно. Важно, что вы здесь. Мы покажем вам то, что храним. Старейшина встал и подошёл к стене. Он снял одну из пластин и протянул её Спиридону. На ней были выбиты знаки — но не те, что на браслете. Другие. Более древние.

— Это письмо тех, кто был до нас. Они называли себя «народом начала». Они жили здесь задолго до скифов, до киммерийцев, до всех, кого вы знаете. Они научили нас всех делать золото, строить кибитки, читать звёзды. А потом они ушли.

— Куда? — спросил Лука.

Старейшина покачал головой:

— Никто не знает. Они сказали только одно: «Мы вернёмся, когда круг замкнётся».

И оставили знак — тот, что вы носите.

Спиридон посмотрел на браслет. Знаки на нём, казалось, стали ярче — но то могла быть игра света от огня.

— Что значит «круг замкнётся»?

— Это значит, что время придёт туда, откуда началось. Когда прошлое, настоящее и будущее встретятся в одной точке. Тогда народ начала вернётся.

Лука шагнул вперёд и спросил:

— И что нам делать?

Старейшина смотрел на них с какой-то хитрицой, как человек, который знает секрет, но не хочет его раскрывать:

— Идите. Ищите другие знаки. У нас, у сарматов, есть ещё один — тот, что ведёт к началу. Но он спрятан. И найти его можно только в самом сердце степи.

Они провели в гостях три дня. В один из вечеров, сидя у костра вместе со старейшинами и поедая варёную говядину, казачата расспрашивали их про сарматов.

— Кто такие сарматы? Наверное, это самый первый вопрос, который я бы вам задал, уважаемый старейшина Ругила, — спросил Лука.

Старейшина, к которому обратился наш герой, смотрел безотрывно на огонь и думал, как бы правильно ответить так, чтобы было понятно.

— Сарматов много, мы разные, мы даже по языку разные. Сарматы — это много разных племен под разными названиями: языги, роксоланы, аланы, аорсы, сираки. Когда-то наши предки и предки скифов жили мирно по соседству, но скифы часто воевали с другими соседями, потихоньку начали терпеть поражения, и их территории стали захватывать другие племена. И мы тоже. В итоге на большей части территории скифов поселились сарматские племена; многие скифы ушли кочевать дальше и искать место, где они смогут жить, но многие из них остались, смешались с нами и постепенно превратились в сарматов. Конечно же, мы кочевники. Главных занятий у нас два — это выращивать скот и воевать, защищая и себя, и свое хозяйство. Скот — это наше главное богатство.

— Мы кочуем у реки Танаис и по всей Великой степи. Мы не строим городов и поселений. Живём в кибитках и временных жилищах из войлока. Как вы могли заметить, наши юные потомки, мы едим много мяса и молока, а одежду делаем себе в большинстве своём сами из шерсти животных. Чего нам не хватает для жизни, мы меняем в ближайших поселениях, где люди живут постоянно, или же захватываем во время походов. Война — это то, чем наполнена наша жизнь. У нас, у первых, появилась тяжёлая конница, закованная в броню, поэтому мы всех и побеждаем.

— Да уж, интересная у вас жизнь, — сказал Спиридон, — но, я так понимаю, она мало отличается от жизни других кочевников.

— Да, это так. Мы все здесь как в одном большом котле варимся, и в будущем будет то, что из наших народов выйдет много других, и ваш тоже, мои юные казачата. А сейчас вам надо поспать, поздно уже; завтра та, что вас встретила, будет вам помогать познать правду.

На утро женщина-воин, которую звали Зарина, показала им, как стрелять из лука, как ездить верхом, как ставить кибитку. Но главное — она показала братьям место, где, по её словам, «земля помнит начало». Это был курган — невысокий, поросший травой, но с плоской вершиной. На вершине лежал камень — чёрный, гладкий, с выбитыми знаками.

— Это знаки народа начала, — сказала Зарина. — Мы не трогаем его. Но вы, — она посмотрела на братьев, — вы можете. Потому что носите их знак.

Спиридон подошёл к камню и приложил браслет к знакам. Камень вспыхнул — ярко, ослепительно, так что стоящий рядом Лука зажмурился. А когда открыл глаза, перед ним была не степь. Они стояли в огромном зале. Стены были покрыты золотом, а в центре стоял трон, на котором сидел человек — старый, с длинной белой бородой, в одеждах, расшитых знаками.

— Вы пришли, — сказал он голосом, который звучал как эхо. — Я ждал вас.

— Кто ты? — спросил Спиридон.

— Я — последний из народа начала. Я остался, чтобы передать знание тому, кто придёт. Вы — те, кто должен был прийти. Человек встал с трона и подошёл к братьям. Он был высоким, но казался прозрачным — будто состоял из света.

— Время — это не круг, — сказал он. — Это спираль. Всё повторяется, но каждый раз — на новом уровне. Народ начала не исчез. Мы стали частью всех народов, которые пришли после нас. Наша кровь — в скифах, в сарматах, в вас. Наши знания — в земле, в камнях, в знаках. Но главное знание мы спрятали. И вы должны найти его в себе. Вы уже носите его. Просто не знаете, как использовать.

Он коснулся браслета на руке Спиридона. Знаки вспыхнули — и Спиридон почувствовал, как что-то изменилось. Он вдруг понял, что знаки на браслете — это не просто буквы. Это инструкция. Инструкция к тому, как открыть дверь.

— Теперь идите, — сказал человек. — И помните: начало — это не место. Это состояние. Когда вы поймёте это, вы сможете идти куда угодно.

Спиридон открыл глаза. Он стоял на кургане, рядом с Лукой. Зарина смотрела на них с недоумением.

— Вы были в трансе, — сказала она. — Минуту. Но глаза у вас обоих были открыты.

Спиридон посмотрел на браслет. Знаки на нём изменились — они стали другими, более чёткими, будто кто-то перерисовал их.

— Я знаю, — сказал он. — Я знаю, как найти начало.

— Как? спросила Зарина.

— Начало — внутри нас. Мы — продолжение народа начала. Мы несём их кровь, их знаки, их память. И пока мы помним — они живы.

Лука посмотрел на него, потом на браслет, потом на степь, где вдалеке двигались кибитки сарматов.

— И что мы будем делать?

Спиридон повернулся к брату. В глазах у него горел тот же огонь, что и всегда.

— Мы будем искать другие двери. Другие времена. Других людей, которые хранят память о начале. И однажды мы найдём всех.

Они пошли обратно к кибиткам. Солнце клонилось к закату, и степь золотилась в его лучах.

Казачата знали: это не конец. Это только начало. И где-то там, за горизонтом времён, их ждали новые двери. А пока надо было вернуться.

Соня с Настасьей уже заждались, наверное. Передатчик с браслета сквозь время послал на приёмник на установке волновой сигнал, и в тот же момент на другом конце временного пути загорелась красная лампочка, и Настасья, которая осознавала всю важность поручения и не сводила глаз с неё, радостно закричала Соне:

— Поворачивай свои крутилки, братья возвращаются.

Софья вернула тумблеры на двенадцать часов, и в ту же минуту в нескольких метрах от девочек появились их братья, усталые, но довольные.

— Долго нас не было? — спросил Спиридон.

— Часа два всего, — ответила Софья, а Настасья, радостная, что братья вернулись, бежала к ним обниматься.

Усталые и довольные, они все вместе пошли домой. Над степью зачиналась заря. Первые лучи солнца уже падали на степные курганы, которые всё ещё хранили много тайн. А в этой же степи, но на расстоянии нескольких тысяч лет, стояли рядом Старейшина Ругила и его дочь Зарина, смотрели на звёзды и мирно беседовали друг с другом о том, что они, как и весь их народ, не исчезнут во времени, а будут жить в этих молодых казачатах, в их родителях, их братьях и сёстрах и во всём народе, именуемом казаки.

Глава VIII

Поход V

Между морем и степью. Меоты

После сарматов Спиридон и Лука долго не пытались открывать новые двери. Браслет молчал. Знаки на нём застыли в одном положении, будто ждали чего-то.

Спиридон перепробовал все комбинации, которые знал, —

ничего не работало.

— Может, мы сделали всё, что нужно? — предположил Лука, лёжа на траве возле дома. — Может, начало — это просто идея, а не место?

— Нет, — Спиридон покачал головой. — Последний из народа начала сказал: «Ищите другие знаки». Значит, есть ещё двери. Мы просто не нашли ключ.

Он посмотрел на браслет. Знаки на нём тускло поблёскивали в свете уличного фонаря. И вдруг Спиридон заметил то, чего раньше не видел: между знаками, в самом узоре, была спрятана крошечная фигурка. Не олень и не лошадь, а что-то другое. Похожее на рыбу.

— Лука, смотри, — он показал на браслет. — Рыба.

Лука прищурился:

— Точно. А я думал, это просто трещина. Рыба… это же символ меотов!

— Кого?

— Меотов. Древний народ, который жил на побережье Азовского моря. Они были между скифами и сарматами, но ближе к морю. Рыбаки, земледельцы. У них даже городища были — в отличие от сарматов. Нам в школе Николай Анатольевич, наш историк, рассказывал о них.

Спиридон посмотрел на браслет. Фигурка рыбы, казалось, шевельнулась.

— Думаешь, это ключ?

— А почему нет? Мы искали в степи. Может, теперь нужно искать у моря, — уверенно сказал Лука.

Через неделю вся семья Филатовых как раз собиралась ехать отдыхать к односуму главы семейства, Николая, который жил на берегу Азовского моря. Казачата прекрасно помнили, что браслет и сам по себе, когда хочет, может переносить их во времени; главное — быть в «правильном» месте, с точки зрения самого браслета, конечно же.

У односума Николая, которого звали Алексеем, была своя мини-база отдыха прямо на берегу моря.

В первый же вечер наши казачата отпросились ночевать одни на берег, для того чтобы понаблюдать за звёздами. Взяли с собой палатку, еду и, конечно, браслет.

Место выбрали тихое — дикий пляж, где не было туристов, только степь до самого горизонта и море, тёмное и тяжёлое.

Спиридон сел на песок, снял браслет и положил его на ладонь. Знаки на нём были неподвижны. Но когда он поднёс браслет к воде, то не поверил своим глазам — знаки начали светиться. Слабо, но заметно.

— Лука, смотри!

Лука подбежал. Браслет в руке Спиридона пульсировал тусклым золотистым светом, и этот свет, казалось, тянулся к морю.

— Он реагирует на воду, — прошептал Лука. — Или на что-то под водой.

Спиридон посмотрел на море. Вдалеке, метрах в ста от берега, виднелся небольшой островок — коса, поросшая камышом. На ней что-то блестело.

— Поплыли туда, — сказал он.

Они разделись, упаковали вещи в пакеты и, держа их над головами, поплыли. Вода была тёплой, но Лука чувствовал, как по коже бегут мурашки — не от холода, а от предчувствия. Когда они добрались до косы, то увидели, что блестело: это был камень. Чёрный, гладкий,

похожий на те, что им встречались до этого, с выбитыми знаками — точно такими же, как на браслете.

Братья взялись за руки и приложили браслет к камню. Знаки вспыхнули — ярко, ослепительно. Песок под ногами задрожал, и мир закрутился воронкой. Перед ними снова, как в обратной перемотке, пролетали века и лица многих людей — как тех, кого помнила история через книги, так и тех, кто остался незамеченным Вселенной и просто тихо прожил свою жизнь.

Из воронки их выбросило на мягкую высокую траву. Вдалеке они увидели реку и двинулись в её сторону. К реке они шли около часа. Трава доходила им до пояса, пахло полынью и чабрецом. В воздухе стрекотали кузнечики, а над головой парил огромный орёл.

Через час братья стояли на берегу моря при впадении в него реки Кубани. Море было чистое, прозрачное, бирюзовое, не то что в их современном мире. Вдалеке виднелись дома — не шатры и не кибитки, а настоящие дома с плоскими крышами. Впереди, на берегу лимана, дымили костры. Казачата подошли ближе и замерли от удивления: перед ними было древнее поселение — земляной вал, плетёные стены, крыши из камыша. У входа суетились люди в длинных льняных одеждах с корзинами рыбы. Женщины месили глину, мужчины чинили сети и готовились к очередному походу за рыбой в море, дети бегали с собаками наперегонки. — А вот и меоты, — сказал Лука, уже даже не удивляясь.

— Они жили в городищах. И они, как видно, знали, как строить дома.

Спиридон посмотрел на дома:

— Да это не кочевники.

Вскоре братьев заметили люди из поселения. Пожилой мужчина с седой бородой и обветренным лицом, с руками рыбака, опираясь на посох, подошёл ближе и что-то сказал на непонятном языке.

Спиридон и Лука переглянулись: — Мы не понимаем, — развёл руками Спиридон.

Старик прищурился, потом улыбнулся и сделал жест рукой — мол, идите за мной. Они вместе прошли через ворота из жердей и оказались внутри городища. Старик посмотрел на братьев, потом на браслет и низко поклонился:

— Вы носите знак древних, — мы ждали вас. Идёмте, — сказал он и… На этот раз братья поняли, что им говорят.

— Спиридон, по-моему, браслет, когда мы совсем не понимаем языка древних народов, делает какие-то изменения в нашем сознании для того, чтобы мы сразу смогли изучить тот или иной язык. И этот навык у нас остается и в нашем времени, — сказал Лука. — Помнишь, у меня в классе есть грек Иван, на самом деле он Ионнис, так вот он с мамой как-то говорил по-гречески, а я его понимал, мы с ним тогда очень этому удивились. И только теперь я понимаю, откуда эти знания.

— Так мы вроде у греков не были, откуда ты греческий знаешь?

— Помнишь, мы у скифов были, там в то же время были люди, которые с ними торговали, так вот это были греки, и я думаю, браслет среагировал на речь, для нас незнакомую, и дал нам знания по древнегреческому, — высказал свою догадку Лука.

— Да уж, есть над чем подумать, но потом, когда будем дома. Давай вернемся к нашему провожатому, а то он на нас уже смотрит непонимающе.

Старик повёл их через поселение. Внутри него было шумно и людно. Улицы были узкими, дома — белыми, с рядом стоящими террасами, на которых сушилась рыба. Вдоль стен стояли большие глиняные сосуды — пифосы, в которых хранили зерно и масло. В центре площадки горел очаг, над которым висел котёл с какой-то похлёбкой.

Сопровождающий привёл их к своему дому — плетёной хижине, обмазанной глиной. Внутри было полутемно, пахло дымом и вяленой рыбой. На земляном полу лежали шкуры, в углу стоял деревянный ткацкий станок. Внутри было темно, но глаза быстро привыкали.

— Меня зовут Гекатэй, — сказал старик, показывая на себя. — Я старейшина этого рода.

Он жестом предложил им сесть. Женщина в расшитой рубахе принесла глиняные миски с кашей из проса и куски вяленой рыбы.

— Ешьте, — старик показал на еду. — Гости всегда сыты в доме меота.

Спиридон и Лука осторожно попробовали. Каша была пресной, но с привкусом дыма — необычно, но даже вкусно. Рыба оказалась солёной и жёсткой, но голод взял своё. Пока они ели, Гекатэй рассказывал.

— Меоты — народ земледельцев. Мы сеем просо, ячмень, пшеницу. Держим коров, овец, лошадей. Ловим рыбу в лиманах и реках. Продаем и меняем всё это, торгуем с греками, которые приплывают на больших кораблях с Скифского моря.

— С какого? — удивился Спиридон, но получил тычок локтем в бок от Луки.

— Так иногда меоты называли Чёрное море.

— Мы не воины, — продолжал старик. — Мы пахари. Но иногда приходят кочевники с востока — скифы, сарматы. Тогда мы прячем зерно в ямы и уходим в плавни.

Спиридон выглянул наружу. За плетнём виднелись поля, где работали люди с мотыгами. Женщины собирали колосья в корзины. Дети пасли коз.

— А почему они не используют плуг с железным лемехом? — спросил Спиридон. — Это же быстрее.

— Нет железа у них, — сказал Лука. — Только бронза и камень.

Пока братья ели, они осматривали стены хижины, на которых висели разные карты. Не обычные — карты морских течений, звёздного неба, подводных дорог. В центре стоял стол, на котором лежал большой лист пергамента с изображением моря.

— Мы храним знание о путях, — сказал старейшина. — Не только по земле, но и по воде. Древние, те, кто был до всех, оставили нам карты подводных дорог. Они ведут к местам, где время течёт иначе.

— Подводные дороги? — переспросил Лука.

— Да. В море есть места, где вода стоит неподвижно, а время идёт назад. Мы не ходим туда — это опасно. Но вы, — он посмотрел на ребят, — вы необычные люди, вы можете. Ваш знак защитит вас.

Браслет на руке Спиридона немного завибрировал на этих словах Гекатэя. Знаки на нём светились тусклым светом, указывая куда-то вглубь моря.

— Что там? — спросил он.

— Начало. То, что вы ищете.

После обеда Гекатэй повёл их к лиману. Тропинка вилась среди высоких камышей. Воздух был влажный и тёплый, пахло тиной, водными цветами и особым морским воздухом. Над водой кружили цапли, а вдалеке плавали лебеди.

— Это наша кормилица, — старик показал на воду. — Здесь много разной рыбы. А в плавнях — утки, гуси, кабаны.

Они вышли на открытое место. Перед ними расстилалась вода, блестящая на солнце. На противоположном берегу темнел лес — дубы, грабы, дикие фруктовые деревья росли вперемешку. Из таких же диких плодов, но в нашем времени матушка казачат варила такой узвар, что при одном воспоминании о нём у казачат во рту ощущалась приятная кислинка одновременно со сладостью и терпкостью диких фруктов.

Вдруг из зарослей выскочил олень, прыгнул в воду и поплыл на другую сторону; над расходившимися волнами осталась торчать только голова с величественными ветвистыми рогами.

— Красота-то какая, — выдохнул Лука. — У нас такого уже нет, только заказники.

— А вон там, — Гекатэй показал на холмы, — наши поля. Осенью соберём урожай и продадим грекам. Они дают за зерно вино и масло.

Спиридон задумался. Дома, в станице, он даже не замечал природы. Телефон, интернет, игры. А здесь — живая земля, которая кормит людей. Простая и честная жизнь. Вечером Спи-

ридон и Лука вышли в море. Меоты дали им небольшую лодку с парусом и провизию. Гребли они сами, но ветер был попутный, и к вечеру братья увидели впереди странное явление — участок моря, где вода была совершенно спокойной, хотя вокруг дул ветер.

— Это здесь, — сказал Спиридон. — Я чувствую.

Он опустил руку в воду. Браслет вспыхнул — ярко, как никогда. Вода вокруг них начала светиться, и вдруг лодка начала погружаться — не тонуть, а именно опускаться, как будто море расступалось перед ними.

Лука вцепился в борт:

— Спиридон, что происходит?

— Не бойся. Наверное, так должно быть. Браслет нас ни разу не подводил, по крайней мере пока, — сказал старший брат, но чувствовалось, что и у него на душе тоже тревожно. Всё-таки они идут под воду, притом без всякого снаряжения. Но виду Спиридон не подал и лишь сказал: — Мы идём к началу.

Они опускались всё глубже. Свет становился ярче, а вокруг них образовывался пузырь из воздуха. На дне моря, куда они опустились, стоял город. Не меотский — древний, из чёрного камня, с башнями, уходящими в темноту.

— Это город народа начала, — прошептал Спиридон.

— Они жили здесь, под водой.

Казачата вышли из лодки. Вода не касалась их — пузырь следовал за ними и был вокруг них, позволяя им спокойно дышать. Они шли по улицам мёртвого города, мимо домов, в которых когда-то горел свет, мимо площадей, где когда-то собирались люди.

В центре города стоял храм. Лука толкнул дверь — она открылась без звука. Внутри было пусто, только в центре стоял камень — такой же чёрный, как те, что они видели раньше, но больше. И на нём были знаки — все знаки, которые они когда-либо видели, собранные вместе.

Спиридон подошёл и приложил браслет к камню. Знаки на камне вспыхнули, и братья услышали голос — тот же, что звучал в зале у сарматов:

— Вы нашли начало. Теперь вы знаете: время — это океан. Есть поверхность, есть глубины, есть течения. Вы научились плавать во времени, переходя из одного пространства в другое. Теперь вы сможете идти куда захотите.

Больше голос ничего не сказал, и только пузырь начал выдавливать братьев на поверхность воды, одновременно как бы погружая их в сон. «Наверное, чтобы разница давления не убила нас», — была последняя мысль Спиридона перед тем, как они провалились в сон.

Спиридон открыл глаза. Они стояли на берегу моря, рядом снова было поселение меотов. Солнце садилось, окрашивая воду в золото. Браслет на руке был тёплым, и знаки снова складывались в новый узор.

Вечером меоты собрались у большого костра. Женщины пели песни, мужчины пили брагу из ячменя. Спиридон и Лука сидели рядом со старейшиной и слушали истории.

— Давным-давно, — начал старик, — боги создали эту реку из слёз небесной девы. Она плакала по своему возлюбленному, который погиб в одном из боёв, спасая своё племя от нашествия врагов, и её слёзы стали водой. Поэтому река такая тёплая и добрая.

Вдруг с окраины послышался крик. К городищу бежал пастух, размахивая руками.

— Сарматы! — закричал он. — Сарматы идут!

Все вскочили. Женщины схватили детей, мужчины бросились к оружию — копьям с бронзовыми наконечниками и лукам.

— Прячьтесь в ямы для зерна! — крикнул Гекатэй Спиридону и Луке. — Быстро!

Казачата нырнули в глубокую яму, прикрытую сверху плетнём и землёй. Сквозь щели они видели, как к городищу подъехали всадники — свирепые, с золотыми украшениями, в кожаных кафтанах. У каждого был лук и колчан со стрелами.

— Мы не хотим войны! — Гекатэй вышел вперёд, подняв руки. — Возьмите зерно, скот. Только не трогайте людей. Сарматский вождь — высокий, с длинными волосами что-то резко ответил. Спиридон издалека не услышал конкретных слов, но догадался: они требуют больше. Женщин. Или молодых парней в рабство.

— Лука, — прошептал брат. — Надо что-то делать.

— Что? — Лука побледнел. — У нас даже оружия нет. Спиридон пошарил в кармане и нащупал браслет, достал и пригляделся. На нём всё ещё были знаки. Спиридон провёл пальцем…

Браслет нагрелся, и вдруг воздух вокруг него задрожал. Из ниоткуда вырвался ослепительный луч, ударил в небо и рассыпался на тысячи искр.

Сарматские кони заржали, встали на дыбы. Всадники закричали, пытаясь удержать их; некоторые даже попадали с коней, несмотря на то, что были прекрасными наездниками, — так неожиданно было произошедшее.

— Это боги! — закричал кто-то из сарматских воинов.

— Боги гневаются!

Вождь выругался, развернул коня и поскакал обратно в степь. За ним — остальные воины: кто на конях, а кто и бегом на своих ногах. Через некоторое время крики и топот копыт стихли в степи.

Меоты попадали на колени, глядя на небо. Гекатэй подошёл к яме, помог братьям выбраться.

— Вы — посланники неба, — сказал он дрожащим голосом.

— Вы спасли наш род.

Спиридон и Лука переглянулись. Браслет всё ещё был тёплым, но знаки на нём тускнели и переставали светиться.

Через несколько дней, проведённых у меотов, казачата поняли, что им пора домой. Гекатэй и меоты проводили их к кургану — тому, который они называли местом силы. Старик положил руки на плечи братьев.

— Вы всегда будете желанными гостями в доме меотов. Помните: земля кормит того, кто её любит.

Спиридон и Лука кивнули. Они понимали, что прощаются навсегда, и знали, что нашли и побывали ещё у одних предков своего народа — именуемого сегодня казаками. Спиридон надел браслет и провёл другой рукой по знакам. Лука сжал руку брата, и воздух снова загустел, завернулся воронкой. Меоты, курган, река — всё поплыло, смешалось и исчезло. Они стояли на том же месте, где всё началось.

В кармане у Луки лежал маленький глиняный горшочек с мёдом — подарок от меотов. И пахло от него не мёдом, а дымом костра, степью и древностью.

— Мы вернулись, — сказал Лука. — Но что мы узнали? Спиридон посмотрел на море:

— Мы узнали, что начало — не в прошлом. Оно — в глубине, в первую очередь глубоко в нас. И мы можем вернуться туда, когда захотим. Но сначала — давай искупаемся. Море же рядом.

Лука рассмеялся:

— Ты серьёзно? После всего того, что было?

— Абсолютно. Мы заслужили.

Они бросились в воду. Море было тёплым, и братья чувствовали, как вода смывает с них пыль веков. Они знали: где-то в глубине ждали новые двери. И они будут искать их.

Поход VI

Возвращение к меотам. Тревога

Прошёл месяц после возвращения семьи Филатовых с отдыха, а наших героев ещё и с очередного путешествия, на этот раз к меотам из далёкого прошлого.

Спиридон и Лука старались искать новые подсказки для новых «дверей». Но браслет молчал и даже ночью не светился тусклым, еле заметным светом, как это было раньше. Спиридон спрятал его в дальний ящик шкафа, но по ночам ему снились меоты, степь, лиманы и голос Гекатэя.

Как-то ночью, когда все спали, Лука резко подскочил с кровати, подбежал к Спиридону и начал его тормошить, чтобы тот проснулся. Когда брат отошёл от сна, то увидел над собой бледное лицо Луки:

— Я ночью слышал… как будто кто-то звал меня. Голос старика. Он говорил: «Приходите. Нужна помощь». Спиридон нахмурился. Он тоже чувствовал странное беспокойство. Они достали браслет, который лежал в ящике, — вдруг он стал тёплым, хотя до него до этого никто не дотрагивался.

— Похоже, они нас зовут, — сказал Спиридон. — И это не сон.

На этот раз казачата решили подготовиться: взяли рюкзаки, фонарик, нож, спички, бутылку воды на случай, если их закинет в какое-нибудь экстремальное место. Браслет Спиридон положил в карман, и они побежали на окраину станицы, туда, где в первый раз нашёлся браслет. Когда они подошли к кургану, браслет начал пульсировать, как сердце.

— Ну что, опять? — Лука сглотнул и схватился за руку брата.

— Ага. Держись.

Спиридон провёл пальцем по знакам. Воздух задрожал, завернулся воронкой — и мир, в котором жили братья, исчез. Они упали на землю не на берегу лимана, а в глубоком овраге, поросшем густым лесом. Вокруг шумели дубы, пахло сырой землёй, перепревшей листвой и грибами. Солнце едва пробивалось сквозь листву.

— Мы не там, где в прошлый раз, — огляделся Лука. — Это другое место.

Братья выбрались из оврага и увидели холмы, покрытые золотистой травой. Вдали блестела река — но то была не Кубань, широкая, с песчаными косами. Это явно был Дон. На берегу стояло поселение, но оно было больше и выше, с мощными земляными валами.

— Это другое городище, — сказал Спиридон. — Может, меоты переселились?

Они спустились к реке. Вдруг из кустов выскочили трое парней с копьями. Они были одеты в кожаные куртки, на поясах висели ножи. Заговорили быстро, резко.

— Стойте! Кто вы?

Спиридон понял только отдельные слова.

— Мы… гости, — ответил он. — Мы ищем Гекатэя!

Парни переглянулись. Потом один из них — высокий, с татуировкой на плече — сказал:

— Гекатэй мёртв. Умер зимой. Теперь наш старейшина — Зилх.

Братья переглянулись. Сердца их сжались от осознания потери, хоть и мимолётного, но всё-таки такого близкого человека.

— Что случилось? — спросил Спиридон. — Он вроде был не так уж и стар?

— Пришла болезнь. Многие умерли. А потом… — парень понизил голос. — Потом пришли жрецы с севера. Они говорят, что мы забыли старых богов. Что боги гневаются и посылают мор на эти земли.

— Вы можете отвести нас к старейшине? — спросил Спиридон меотов из тех, кто охранял городище.

Один из них только кивнул и показал, чтобы путники шли за ним. Их провели в поселение. Оно было больше того, что они видели до этого: дома стояли рядами, между ними —

узкие улочки. В центре возвышалось большое здание на столбах — что-то вроде святилища. Над входом висели черепа быков, кабанов и другого мелкого зверья и ветки омелы.

Внутри их встретил Зилх — грузный мужчина с седой бородой и тяжёлым взглядом. Он сидел на шкуре и опирался на деревянный посох, который, судя по всему, был знаком власти; рядом стоял глиняный кубок с брагой.

— Вы чужаки, — сказал он хрипло. — Но Гекатэй говорил о вас. Он называл вас «посланниками неба». Зачем вы пришли? — Мы услышали зов, — сказал Спиридон. — Нам показалось, что здесь нужна помощь.

Зилх усмехнулся:

— Помощь? Мы сами справимся. Жрецы говорят, что нужно принести жертву. Тогда боги смилостивятся.

— Какую жертву? — спросил настороженно Лука.

Зилх помолчал, потом ответил:

— Девушку. Самую красивую. Её отведут к священному дубу за рекой и оставят там на ночь. Если боги примут жертву — мор уйдёт.

У братьев внутри всё похолодело.

— Это же убийство! — воскликнул Лука. — Нельзя так! Притом это же не в ваших традициях. С каких пор меоты приносят человеческие жертвы?

— Так говорят жрецы, — Зилх пожал плечами. — А они знают волю богов.

Братья вышли из святилища. На площади они увидели девушку — лет шестнадцати, с тёмными волосами и испуганными глазами. Она стояла в центре круга, а вокруг неё танцевали жрецы в масках из бересты.

— Её зовут Лаго, — сказал один из парней. — Она дочь гончара. Завтра на закате её уведут к дубу.

Ночью наши казачата сидели у костра на краю городища. Спиридон крутил в руках браслет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.